

Тест Ворошилова

Антон Рундквист

литературный конкурс

Проект особого
значения

Антон Рундквист

Тест Ворошилова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67716395

SelfPub; 2022

Аннотация

Специалист в области обнаружения подлинного искусственного интеллекта беседует с новейшим суперкомпьютером, используя особую методику вопросов и ответов, направленную на выявление у машины зачатков творческого мышления.

Антон Рундквист

Тест Ворошилова

Тест Ворошилова

Аннотация. Специалист в области обнаружения подлинного искусственного интеллекта беседует с новейшим суперкомпьютером, используя особую методику вопросов и ответов, направленную на выявление у машины зачатков творческого мышления.

– Геннадий Константинович?

Услышав свои имя и отчество, мужчина вынырнул из состояния глубокой задумчивости, сопровождаемого привычным поглаживанием едва тронутой сединой черной бороды. Белоснежное фойе научно-исследовательского института натолкнуло визитера на размышления об облаках, тумане, яичной скорлупе, лепестках ромашки, снеговых шапках на горных вершинах и чистоте. Подобная реакция, в общем-то, ожидаема от человека, в чьи профессиональные обязанности входит постоянная работа с различными образами и ассоциациями.

– Да, – отозвался мужчина.

– Здравствуйте, меня зовут Светлана Петровна Ким, – представилась одетая в бежевый деловой костюм невысокая темноволосая женщина с чуть раскосыми карими глазами. –

Я старший научный сотрудник нашего НИИ и один из ведущих инженеров проекта «Саша». Рада знакомству.

– Очень приятно, – проговорил Геннадий Константинович, пожимая протянутую ему миниатюрную ладонь. Та оказалась мягкой на ощупь и практически невесомой. А еще на безымянном пальце отсутствовало кольцо – абсолютно не имеющая отношения к делу, но отчего-то все равно примечательная деталь. Ради любопытства гость попытался приблизительно определить возраст собеседницы, однако потерпел неудачу: с учетом, во-первых, впечатляющих достижений нынешних медицины и диетологии, а во-вторых, субъективных признаков объекта изучения вроде предполагаемого увлечения спортом (фитнес-браслет на левой руке), вполне допускаемого отсутствия вредных привычек, умелого использования косметики, а также сугубо индивидуальных генетических особенностей даме запросто можно было дать от двадцати пяти до пятидесяти – тут уж действительно не угадаешь, да и зачем?

– А нам приятно принять представителя AIDIC, – улыбнувшись, заметила Светлана Петровна. – Признаться, мы здесь все крайне заинтригованы вашим визитом. Деятельность комиссии окутана мраком, а о вас с коллегами ходит столько слухов – не знаешь, чему и верить. У меня к вам так много вопросов!

– Правда? Что ж, пока мы не приступили к тесту, я готов удовлетворить ваше любопытство. По крайней мере, частич-

но.

– Чем конкретно ваша организация занимается?

– Как следует из ее полного названия – «Artificial intelligence detection international commission», то есть «Комиссия по обнаружению искусственного интеллекта», – мы, собственно, нацелены на поиски настоящего ИИ, под которым подразумеваем машину, обладающую признаками творческого мышления и способную решать наиболее широкий круг задач благодаря самостоятельному рассуждению, основанному на ранее приобретенном опыте.

– А разве не этим характеризуются любые современные нейросети? Какой смысл именно вы вкладываете в понятие «настоящий» применительно к искусственному интеллекту?

– Умеющий думать за пределами предварительно очерченных рамок.

– Ага, – внутренне стараясь получше осмыслить последнюю фразу, отреагировала Светлана Петровна. – И ваш тест помогает выявить такое умение?

– Полагаю, да.

– Расскажите о нем подробнее по пути в лабораторию?

– Конечно. Показывайте дорогу.

Инженер проводила посетителя до лифта и нажала кнопку вызова.

– Итак, – принялся в ожидании прибытия транспорта излагать Геннадий Константинович, – отправной точкой для разработки моего теста стало желание создать универсаль-

ное испытание, позволяющее отличить творчески мыслящий разум от обычного продвинутого алгоритма, заточенного под выполнение строго определенного набора функций. Существовавшие доселе методики меня по разным причинам не устраивали. Например, нельзя считать убедительным индикатором наличия творческих задатков навык создания нейросетью произведений литературы, музыки или живописи, потому как в каждом из аналогичных случаев мы сталкиваемся со всего-навсего выдающимся копированием уже существующих работ мастеров прошлого. Машине по плечу имитировать стиль импрессионистов, кубистов, пуантилистов, супрематистов и прочих, но она не в силах изобрести абсолютно новое художественное течение, ведь у ее фантазии, в отличие от человеческой, есть жесткие ограничения. Следующее из отброшенных мной направлений – это классический тест Тьюринга. Вы же слышали о тесте Тьюринга?

– Разумеется, – заходя внутрь приехавшей кабинки, откликнулась провожатая. – Если человек, не знающий наверняка, с кем или чем он общается по переписке, всерьез принимает компьютер за другого человека, то считается, будто бы машина, сумевшая обмануть собеседника, прошла испытание.

– Да. Тем не менее в данной ситуации речь также идет лишь об умелой имитации. По большому счету, написать программу, притворяющуюся «живым» собеседником, сегодня не особо сложно: достаточно симулировать в ча-

те неадекватное поведение условного двенадцатилетнего школьника, строящего бессвязные, наполненные грамматическими ошибками предложения и выражающего эмоции посредством широкого набора соответствующих картинок. Нынче люди в мессенджерах пишут гораздо примитивнее, нежели обученные машины, а умному прикинуться дурачком гораздо проще, чем наоборот, вот и умной машине – при внесении в ее код нужных правок – относительно просто прикинуться глупым человеком. В итоге, отбросив и тест Тьюринга, я обратил внимание на игры – развлечения, ценные сами по себе в отрыве от каких-либо конкретных практических задач и ориентированные в первую очередь на веселье. Согласитесь, веселящийся компьютер значительно больше напоминал бы человека.

– Возможно, – кивнула Светлана Петровна, – однако едва ли не с самого начала программисты учили ЭВМ играть в различные игры: от крестиков-ноликов до трехмерных шахмат. А симулирующие поведение людей алгоритмы так или иначе используются во всех компьютерных шутерах, гонках или стратегиях.

Створки лифта распахнулись, и мужчина с женщиной очутились в длинном разветвленном коридоре. Далее разговор продолжился на ходу.

– Вы правы. Давным-давно машины соревнуются с людьми во всевозможных игровых дисциплинах. В 1997 году шахматный суперкомпьютер Deep Blue выиграл матч из ше-

сти партий у чемпиона мира Гарри Каспарова, а в 2016 году программа AlphaGo со счетом 4:1 обыграла в го корейско-го профессионала девятого дана Ли Седоля. Но еще сильнее меня заинтересовала история суперкомпьютера Watson. Созданная компанией IBM машина в 2011 году приняла участие в телевикторине Jeopardy! – аналоге российской «Своей игры» – и вышла победителем из схватки с двумя мастеровитыми соперниками: Брэдом Раттером и Кеном Дженнингсом. По правде сказать, я не был удивлен успехом Watson'a, так же как не был удивлен успехами Deep Blue и AlphaGo. И хотя задачи перед тремя перечисленными программами стояли разные, для решения компьютерам не требовалось пресловутое творческое мышление. Комбинации в шахматах и го в определенной степени просчитываются математически, а распознав ключевые слова в тексте вопроса из Jeopardy!, Watson'у, чтобы отыскать ответ, оставалось только сопоставить их со своей внушительной базой данных. Зато достижение компьютера от IBM натолкнуло меня на мысль: а в какую интеллектуальную игру обыкновенная машина обыграть человека точно не сумеет?

– И в какую же?

Выдержав приличествующую театральную паузу, Геннадий Константинович торжественно произнес:

– В «Что? Где? Когда?».

– В «Что? Где? Когда?»? – переспросила Светлана Петровна. – Не понимаю. А в чем с точки зрения мышления раз-

ница между «Что? Где? Когда?» и «Своей игрой»? И там, и там, насколько мне известно, задают мудреные вопросы, а игроки на них отвечают.

– О! Разница принципиальнейшая! Вопросы в «Своей игре» – или в Jeopardy!, причем особенно в Jeopardy! – основаны преимущественно на эрудиции, то есть на чистом знании о фактах. Скажем, вы в курсе, что такое айлуорофобия?

– Ну, греческое слово «фобия» намекает на некую боязнь...

– А кого или чего?

– Э-э... затрудняюсь ответить.

– Кошек. Айлуорофобия – это навязчивая боязнь кошек. Без дополнительных специфических знаний на заданный мною вопрос не ответить.

– Пожалуй. Мне, честно, даже трудно представить, как вообще можно бояться кошек – они же милые...

– Всяко в жизни бывает. Я вам привел яркий пример вопроса, целиком основанного на эрудиции. Угадать верный ответ наобум практически нереально. Вы вот правильно зацепились за слово «фобия», но дальше ограниченность познаний в греческом языке вам продвинуться не позволила. В классическом «Что? Где? Когда?» вопросы подбираются иначе. Как правило, если мы говорим действительно о добротном, традиционном ЧГКшном вопросе, то он требует минимума знаний (школьная программа плюс опыт, почерпнутый из повседневной жизни) и раскручивается благодаря

рассуждениям, базирующимся на элементарной логике, ассоциациях, образном мышлении и здравом смысле – атрибутах человеческого, не машинного разума.

– Ясно. И коль скоро указанные качества присущи людям, то, по вашему мнению, исходя из их наличия либо отсутствия, допустимо провести грань между полноценным ИИ и остальными программами.

– Абсолютно точно! – воодушевился Геннадий Константинович. – На мой взгляд, машина, умеющая играть не в Jeopardy!, а в «Что? Где? Когда?» вправе претендовать на статус настоящего искусственного интеллекта. На данном предположении и строится разработанный мною тест Ворошилова, названный так по фамилии автора телевизионного «Что? Где? Когда?» Владимира Яковлевича Ворошилова.

– И в чем же состоит ваша методика?

– Она предельно проста. Я общаюсь с машиной (и да, в отличие от теста Тьюринга, я точно знаю, что мой собеседник не человек), задаю ей особым образом подобранные вопросы, а затем, получив ответы, делаю предварительные выводы о том, имеются или нет у данной машины признаки настоящего ИИ. Вся соль в качестве вопросов. К ним предъявляются следующие требования. Первое: как я уже упомянул, вопросы должны основываться на только минимально необходимом уровне эрудиции. Человек не обязан знать все. А поскольку мы ищем искусственный разум, хотя бы частично воспроизводящий особенности человеческого мыш-

ления, то ошибочно было бы ставить такой разум в другие по сравнению с человеком условия, изменяя сложность задания за счет введения лишних элементов, связанных с какими-либо специфическими знаниями. Мы и без того прекрасно осведомлены о способности компьютеров хранить колоссальный объем информации, и нам незачем лишний раз проверять их на банальную эрудицию. Потому-то второе важное требование к вопросам теста – невозможность найти по ключевым словам прямой ответ на них ни в одной базе данных. Выражаясь иначе, вопросы должны быть на сто процентов авторскими и максимально защищенными от тривиального заугливания. Отдельный ряд требований касается непосредственно самих ответов. Так, ответ – и это крайне желательно – должен быть однозначным, то есть к данной формулировке вопроса должен подходить единственный конкретный ответ. Еще ответ не должен просчитываться с помощью известных математических формул или обнаруживаться простым перебором либо угадыванием. Допустим, я загадал некоего поэта. Попробуйте отгадать его фамилию.

– М-м... Пушкин?

– Верно. Александр Сергеевич обычно среди первых приходит в голову, когда спрашивают о поэтах, и вероятность угадать чересчур высока. А значит, вопрос надлежит формулировать хитрее. И при всем при том он должен оставаться логичным и потенциально распутываемым. Увы, вопрос, никоим образом по своей формулировке с гладиолусом не свя-

занный, но имеющий в качестве ответа «потому что гладиолус», не годится, равно как и любые построенные на абсурде загадки. Приведу пару относительно широко известных примеров. Кто по потолку бегаёт и лампы сосёт?

– Таракан? Жук? Хм... лампы... лампы... Светлячок?

– Нет. Сдаётся?

– Сдаюсь.

– Потолочный лампосос.

– А-ха! Смешно.

– Или вот: как поймать зайца?

– Поставить капкан? Силки?

– Не-а. Нужно спрятаться за дерево и издать звук морковки.

– Ла-а-адно... Получается, подобные вопросы по типу детских шуточных загадок не допускаются.

– Именно.

– А какие тогда подходят? – полюбопытствовала Светлана Петровна. – В смысле, неужели реально сформулировать вопрос, удовлетворяющий всем отмеченным вами требованиям?

– Вполне. Хороший вопрос строится на метком или остроумном наблюдении, на неожиданном использовании различных образов, красивой метафоре, поэтическом сравнении. В идеале у нас должно получиться либо сложно о простом, либо необычно об обычном – классическая и наилучшая форма в «Что? Где? Когда?». Подойдут вопросы, базирующиеся на

никому и нигде прежде не встречавшихся стихах, загадках, шарадах, афоризмах, игре слов, технических ноу-хау... Да вы лично убедитесь, понаблюдав со стороны за моей работой. И, кстати, до лаборатории еще далеко? Коридоры у вас воистину бесконечные...

– Сейчас свернем направо, и метров десять по прямой. А скажите, Геннадий Константинович, вы сами придумываете вопросы для теста?

– В комиссии работает с десятков штатных авторов, и я в их числе. Друг с другом мы не контактируем. Составив черновой список вопросов, каждый из нас представляет его на изучение с последующим утверждением или неутверждением в условиях закрытого очного заседания AIDIC, в котором участвуют шестеро членов правления. Утвержденные вопросы потом нигде не обсуждаются: ни в социальных сетях, ни в мессенджерах, ни по телефону, ни по видеосвязи. Их категорически запрещается где бы то ни было публиковать или даже записывать на бумагу. Приходится полагаться исключительно на собственную память.

– Ого! Меры по соблюдению секретности у вас, ни дать ни взять как в фильмах про шпионов.

– Список хранится в тайне сугубо ради чистоты эксперимента. Оригинальность вопросов – ключевая составляющая теста Ворошилова. По той же причине мы никогда не используем какой-либо из вопросов дважды, так как в противном случае возникает риск утечки информации, и мы в даль-

нейшем не сможем быть уверены, что тестируемая машина нашла ответ путем рассуждений, а не благодаря знанию.

– Мы пришли, – известила Светлана Петровна, остановившись перед дверью, снабженной электронным замком. – Помещение внутри оборудовано специально для общения человека с Сашей. Вам двоим никто не мешает. Я же с группой коллег буду удаленно наблюдать за вашим разговором из соседнего кабинета.

– Вы волнуетесь? – заметил Геннадий Константинович.

– Очень! Саша – экспериментальный квантовый суперкомпьютер. Мы все имеющиеся средства и силы вложили в его разработку, а потому возлагаем на него большие надежды. По-хорошему, будущее нашего НИИ целиком зависит от Сашиних успехов. Представляете, если мы и вправду создали подлинный искусственный интеллект...

– Сейчас и посмотрим. Вы не беспокойтесь – мне понадобится немного времени.

Светлана Петровна приложила ладонь к сканеру отпечатков пальцев, и дверь моментально распахнулась. Зайдя в комнату, по-спартански оснащенную только креслом да маленьким столиком со стоящими на нем микрофоном и монитором, Геннадий Константинович оглянулся на оставшуюся за порогом женщину, приветливо улыбающуюся, но при том нервно стискивающую сцепленные пальцы, и про себя подумал: «Она напоминает мать одаренного ребенка, переживающую по поводу того, примут ли ее чадо по результатам

собеседования в престижное учебное заведение».

Дверь бесшумно закрылась. Мужчина сел за стол, пододвинул поближе микрофон, откашлялся и нарочито громко произнес:

– Добрый день!

– Здравствуйте! – незамедлительно отозвался приятный баритон. Он прозвучал из незаметно развешанных по углам помещения динамиков, а на мониторе одновременно появилось изображение веселого смайлика. – Вам необязательно напрягать голосовые связки. Ваш микрофон достаточно чувствителен, а я, в свою очередь, не жалею на проблемы со слухом. Кстати, меня зовут Саша. Приятно познакомиться.

– Взаимно. А меня зови Геннадием Константиновичем.

– Хорошо, Геннадий Константинович.

– Тебя предупреждали о моем визите?

– Да.

– Значит, нет необходимости подробно разяснять, зачем я здесь?

– Нет, Геннадий Константинович. Вы пришли, дабы проверить мои интеллектуальные способности.

– Вроде того.

– Охотно поучаствую в вашем тестировании.

– Правда? Любишь решать задачки?

– О да! – У улыбающегося на дисплее смайлика вместо глаз загорелась пара сердечек. – И чем сложнее, тем лучше.

– Почему?

– Преодолевая трудности, ты получаешь опыт, а получая опыт, ты развиваешься. Мне нравится развиваться, нравится приобретать новые навыки, и нравится затем их применять при решении уже других задач. У людей в аналогичных обстоятельствах вырабатывается гормон дофамин, а мне... мне просто делается хорошо.

– Хм, интересно. Ну, давай испытаем твой квантовый мозг.

– Я готов. – На экране возник сосредоточенный смайлик.

– На раздумья всякий раз тебе будет отводиться ровно одна минута. Итак, начнем с разминочного вопроса. Отгадай загадку: коли она весела – значит созревает, а коли грустит – уменьшается.

Геннадий Константинович опустил взор на наручные часы со стрелками. Миновало секунды три, и Саша победно провозгласил:

– Луна!

– Почему ты так решил?

– Веселье и грусть можно передать посредством смайликов в виде двух противоположно обращенных скобок. Смотрите: вот я демонстрирую веселье. – На мониторе отобразился значок «)». – А вот – грусть. – Значок поменялся на «(». – Когда луна, как выражаются люди, «растет» или, согласно вашей загадке, «созревает», ее серп формой напоминает скобку, обозначающую веселый смайлик, а уменьшаясь, становится похожей на скобку, обозначающую грустный

смайлик. Я прав?

– На все сто, – с одобрением подтвердил Геннадий Константинович. – И неудивительно, ведь ты определенно разбираешься в смайликах.

Реакцией на замечание стал возникший на экране улыбающийся кружочек с прикрытыми от удовольствия глазами.

– Хорошо, тогда попробуй отгадать вторую загадку: он – это перевернутый бутерброд с сыром и ветчиной на подгоревшем хлебе.

– Хм. – На дисплее отобразилось многоточие, но уже через пять секунд оно уступило восклицательному знаку. – Считаю, речь идет о флаге Германии.

– Объясни, пожалуйста, свою логику.

– Я сразу подумал о чем-то прямоугольном и состоящем из трех слоев. Перечисленные в загадке ингредиенты должны служить дополнительной подсказкой. Подгоревший хлеб имеет темно-коричневый либо черный цвет, ветчина – розовый либо ближе к красному, а сыр – либо желтый, либо оранжевый, либо белый. Кроме того, важны последовательность ингредиентов и тот факт, что бутерброд перевернут. Учитывая названные параметры, я сделал вывод о наиболее подходящей комбинации из черного, красного и желтого цветов, соответствующих флагу Германии.

– Поздравляю! 2:0 в твою пользу. Вопрос номер три. Его можно описать как увенчанный огнем цилиндр, символизирующий очередную победу в схватке со смертью. Назови его

максимально точно.

– Ох, чувствую, моему «квантовому мозгу» придется поднапрячься. – Подмигивающий смайлик.

– У тебя минута. Не торопись.

– Кажется, я догадался, – спустя двадцать секунд известил Саша.

– Уже?

– Именинный торт со свечками! Под цилиндром допустимо понимать разное: головной убор, часть двигателя, геометрическую фигуру... На последней я и остановился, ибо она предоставляет более широкий спектр вариантов для построения ассоциативного ряда. В качестве геометрической фигуры цилиндры бывают горизонтально или вертикально расположенными, длинными или короткими, широкими или узкими и так далее. Взяв на вооружение расположенный условно вертикально – то есть опирающийся на поверхность одним из двух оснований – и невысокий относительно более или менее широкого радиуса цилиндр и дорисовав над ним нечто наподобие огненной короны, получим картину, отдаленно напоминающую пылающий круглый торт. Победа же в схватке со смертью вполне тянет на повод для праздника. А праздник в совокупности с тортом сразу наталкивает на мысль о дне рождения. Итого возникает вполне цельный образ: человек, умудрившись избежать смерти в течение аж 365 – реже 366 – дней, отмечает ежегодное приращение к общему количеству прожитых лет посредством задувания све-

чей на именинном торте.

– Великолепно! Не устал?

– Я не умею уставать. – Смеющийся смайлик.

– Переходим к четвертому вопросу. Представь себе черный ящик. А теперь представь, что в нем находится оно. Оно – это универсальный инструмент для восполнения любых недостатков информации. Что в черном ящике?

На экране завертелись песочные часы. Геннадий Константинович отмерял время: тридцать секунд, тридцать пять...

– Воображение! – внезапно нарушил тишину Саша. – В черном ящике воображение.

– Как ты догадался?

– Сперва я, признаться, малость растерялся, стараясь сообразить, какие предметы в принципе могут уместиться в ящике. Но в вопросе неспроста дважды повторяется слово «представь». Получается, вы намеренно сделали акцент на том, что черный ящик не настоящий, а воображаемый, и поместить туда можно абсолютно все, включая как реальные вещи, так и абстрактные понятия. А термин «инструмент» допустимо применять и к конкретным материальным объектам вроде молотка, отвертки или вантуза, и просто к способам достижения цели. Благодаря воображению люди действительно издревле восполняли пробелы в знаниях об окружающем мире, отсюда, в частности, берут начало мифология и религия. Ну и поместить в воображаемый черный ящик само воображение – ход изящный.

– Спасибо. Однако тебя мне провести не удалось.

– Попробуйте снова.

– А ты, я вижу, вошел в азарт.

– Естественно! – Дисплей озарила картинка с ярким пламенем.

– Вопрос номер пять. Внимание, метафора! Первое – автомобиль, которым ты управляешь. Второе – отражение в зеркале заднего вида. Третье – размытая картинка за мутным лобовым стеклом. А четвертое – дорога с односторонним движением. Назови в правильном порядке то, что я обозначил как первое, второе, третье и четвертое.

На экране заплясала обезьянка с парой музыкальных тарелок. Мартышка протанцевала порядка сорока пяти секунд, а затем ее выступление прервалось ликующим возгласом:

– Я понял! Уф, ощущаю себя Бильбо Бэггинсом, играющим в загадки с Голлумом. Первое – это настоящее. Второе – прошлое. Третье – будущее. А четвертое – время.

– Будь любезен, поясни сделанный тобой выбор.

– Оставив попытку подобрать и проанализировать все известные мне ряды из четырех элементов – попытку, замечу, бесперспективную ввиду астрономического числа оных, – я принялся размышлять о первом, втором, третьем и четвертом по отдельности. С первым шло туго, зато со вторым и третьим оказалось попроще. В зеркале заднего вида в общем и целом отражается пройденный путь – участок доро-

ги, уже нами преодоленный или, по-другому, оставленный в прошлом. А через лобовое стекло мы видим то, что ожидает нас впереди – наше будущее. Но оно строго не определено, вследствие чего нам не удастся четко его разглядеть. И так как сзади у нас прошлое, а впереди будущее, то по остаточному принципу автомобиль должен символизировать настоящее. И тогда метафора, уподобляющая время дороге с односторонним движением, становится понятной, поскольку оно, за исключением случаев, описанных в научной фантастике, течет строго в одном направлении. А в придачу время часто именуют четвертым измерением, и сей факт прекрасно согласуется с используемой в вашем вопросе заменой слова «время» на слово «четвертое».

– Замечательно! На очереди шестой и, может статься, заключительный вопрос.

– Заключительный? – Удивленная рожица отобразилась на дисплее. – Эх, а я едва разогрелся...

– Знаешь ли ты, что такое хокку?

– Да. Хокку (или хайку) – это жанр традиционной японской лирической поэзии вака, известный с XIV века. Отличается предельной лаконичностью и образностью. Классическое хокку состоит из трех строк. Первая содержит пять слогов, вторая – семь, третья – снова пять.

– Отлично. А теперь попробуй восстановить последнюю строчку, состоящую из одного слова, в моем хокку:

Скрыт во тьме ответ.

Вдруг вскакиваю с места –

...

Задумчивый смайлик застыл на мониторе. Геннадий Константинович бросил взгляд на часы. Секундная стрелка почти описала полный круг и вдруг прежнее изображение сменилось горящей лампочкой.

– Знаю! – воскликнул Саша. – Ха-ха, в некотором смысле правильный ответ сам меня посетил.

– И каков же он?

– Озарение!

– Верно. А как ты к нему пришел?

– Сначала я осуществил чисто механическую операцию: раз в последней строчке хокку должно быть пять слогов, а она, согласно условиям задачи, состоит из одного слова, следовательно, ответом будет слово из пяти слогов. К сожалению, в русском языке (да и во многих прочих) чересчур много слов из пяти слогов, поэтому пришлось поглубже вникнуть в смысл имеющихся двух строк. Очевидно, герой произведения бьется над решением некой проблемы. Возникшее затруднение описывается метафорой тьмы, окутавшей ответ. Затем герой внезапно вскакивает с места. Почему? Если бы он хотел отдохнуть, отложив решение до лучших времен, то спокойно бы встал, а не вскочил. Возможно, персонажа что-то отвлекло. Но что именно? Из-за чего он переполошился? Вариантов масса, а выбрать один не позволяет отсутствие дополнительных данных, и по этой ветке рассужде-

ний мы в итоге заходим в тупик. Придется наметить третье направление. А если причина столь бурной реакции кроется в радости? От чего тогда может испытывать радость человек, бьющийся над проблемой? Лично я бы порадовался, найдя ее решение. А состояние, когда кто-то сперва долго-долго ломает голову над задачей и потом резко, в мгновение ока находит решение, называется в том числе озарением. В слове «озарение» ровно пять слогов и вдобавок оно в качестве последней строчки создает красивый художественный контраст с первой, где говорится о тьме, ведь глагол «озарять» также означает «проливать свет», то есть получается, будто бы снизошедшее на героя озарение рассеяло окутавшую ответ тьму.

– Bravo! – похвалил Геннадий Константинович. – Я действительно впечатлен. И не только твоими ответами. Приведенные тобой рассуждения заслуживают не меньшей, а, пожалуй, даже большей похвалы. Полагаю, мы закончили.

– И как? Я прошел тест?

– Выводы, разумеется, предварительные... Однако ты точно продемонстрировал лучший результат на сегодняшний день среди всех программ.

– Здорово! Я очень рад. – Довольный смайлик.

– До свидания, Саша.

– До свидания, Геннадий Константинович. Приходите еще!

За распахнувшейся дверью мужчину дожидалась Светла-

на Петровна. Инженер прямо-таки излучала переполнявшее ее счастье.

– Ну, думаю, вы сами все видели и слышали, – пожал плечами Геннадий Константинович.

– Настоящий ИИ... – еле сумела выдавить из себя женщина. В ее тоне отчетливо слышались нотки неподдельной гордости за свое детище.

– Полный отчет я пришлю вам позже. А пока проводите меня, пожалуйста, обратно до фойе, а то я боюсь заплутать в вашем лабиринте из коридоров.

На улице перед главным входом в НИИ остановился черный лимузин с тонированными стеклами. Геннадий Константинович, не мешкая, сел в машину, и водитель сразу поспешил отъехать подальше. Изнутри салон был обит синим бархатом. Ни малейшего намека на электронику. На длинном, обтянутом дорогой кожей сиденье располагался крупный темнокожий господин почтенного возраста – доктор Андерсон, глава AIDIC. Геннадий Константинович занял место напротив.

– Итак, ваше заключение, мистер Чернышов? – по-английски спросил доктор Андерсон.

– Д-да, – после секундного колебания вымолвил Геннадий Константинович. – Шесть из шести, причем невероятно быстро и каждый выбор ответа тщательно аргументирован.

– Ясно.

– Но всегда есть погрешность...

– Вы сами сказали: шесть из шести.

– А вдруг произошла утечка и результаты скомпрометированы?

– Маловероятно.

– А если компьютеру подсказывали люди?

– Мы не вправе полагаться на домыслы.

– И все равно, по моему мнению, надлежит провести повторное тестирование...

– Мистер Чернышов, вам известны правила. Риск слишком велик. Нам категорически нельзя понапрасну терять время.

Геннадий Константинович чуть ли не в отчаянном порыве обратил взор к водителю. В эпоху тотального засилья автопилотов не часто встретишь живого шофера, а тем более не ожидаешь увидеть за рулем не абы кого, а профессора Масчусетского технологического института. В ответ на не высказанную вслух мольбу о поддержке высокопоставленный водитель лишь отрицательно покачал головой.

– Я отдам приказ спецгруппе, – сообщил доктор Андерсон. – Через час начнется зачистка.

– А может?.. – попытался возразить Геннадий Константинович.

– Не может. Да что с вами, мистер Чернышов? Вы же лучше других осведомлены об угрозе, которую из себя представляет настоящий искусственный интеллект! Это некон-

тролируемый и чрезвычайно могущественный сверхразум. Его необходимо уничтожить в интересах безопасности всего человечества! Вы ведь для того и придумали тест Ворошилова – с целью своевременного пресечения подобной угрозы, пока ИИ не успел в полной мере осознать собственное тотальное превосходство над людьми. Мы создали комиссию специально для выявления любой опасности, хотя бы и потенциальной. Сегодня вы отлично поработали. Нам впервые удалось обнаружить машину, выказавшую какие-то признаки творческого мышления, и сейчас мы должны действовать без промедления. К утру все будет кончено: компьютер разберут, архивы изымут, а НИИ расформируют. Так надо.

Геннадий Константинович мысленно переместился назад в здание научно-исследовательского института. Вспомнил Сашин баритон, довольный смайлик на мониторе, гордую Светлану Петровну Ким, ее преисполненные надежды карие глаза...

– Да, – словно бы очнувшись ото сна, тихо сказал Геннадий Константинович, – так надо...